

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДИСКУРСА

Лучинская Е. Н.

*Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия
E-mail: bekketsam@yandex.ru*

Статья посвящена описанию интерактивности как важной характеристики постмодернистского дискурса. Показано, что интерактивность базируется на следующих приемах формирования текста постмодернизма: диалогизации, нелинейности нарратива и интерференции повествовательных инстанций. Знание об интерактивности способствует успешной интерпретации многослойных текстов постмодернизма, в процессе которой читатель может применять различные стратегии понимания нелинейного текста. Интерактивность понимается как принцип готовности читателя, обладающего когнитивной базой, содержащей коды культуры, к множественным интерпретациям смысла открытого постмодернистского произведения. Интерактивность автора в постмодернистских текстах проявляется по-разному: в тексте произведения он использует вставные конструкции, в которых воспроизводится внутренняя речь, в них включаются мысленные рассуждения персонажа произведения. Интертекстуальность рассматривается как возможность реинтерпретации художественных смыслов постмодернистского текста. Интерактивность читателя предполагает возможность выбрать собственную стратегию интерпретации текста, и таким образом он вовлечен в интертекстуальный диалог текстов, персонажей, автора. Исследование раскрывает герменевтический аспект исследования проблемы интерпретации постмодернистского дискурса, направленный на понимание интерактивности как важной особенности, которую необходимо учитывать в процессе анализа сложных текстов современности.

Ключевые слова: постмодернистский дискурс, интерпретация, герменевтический подход, интерактивность, интерференция, диалогизация.

ВВЕДЕНИЕ

В связи с недостаточным количеством научных работ, описывающих способы интерпретации постмодернистского дискурса, проблема изучения интерактивности актуальна в современной лингвистике. Исследования различных методик понимания литературы постмодерна касались в основном семиотического аспекта постмодернистского текста (Р. Барт, Г. К. Косиков, В. П. Руднев, И. Ильин и др.). В нашем исследовании мы опираемся на герменевтический подход в интерпретации постмодернистского дискурса (Ю. В. Лучинский, Е. Н. Лучинская и др. [11]).

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена бурным развитием современной литературы, относящейся к ситуации постмодернизма, которая достаточна сложна для восприятия читателем. Произведения постмодернизма показывают стремление авторов использовать новые идеи посредством отказа от устоявшихся традиций, осуществить кардинальные изменения в культуре и литературе. При этом читатель вовлечен в интертекстуальный диалог текстов, персонажей и авторов.

Целью предлагаемого исследования является описание интерактивности как принципа постмодернистского дискурса, выявление характеристик интерактивности, включающих диалогизацию, нелинейность и интерференцию повествовательных инстанций, учет которых способствует успешной интерпретации постмодернистского текста. Данный подход расширяет представление об интерактивности как важнейшем принципе постмодернистского дискурса, обуславливающим использование различных

приемов в художественном тексте. В процессе исследования текстового материала применялся комплекс методов в соответствии с поставленными задачами: интертекстуальный анализ, герменевтическая и филологическая интерпретация, дискурса-анализ.

Материалом исследования стали тексты современных художественных произведений постмодернизма Ф. О'Брайена «У Плыли-Две-Птицы», С. Беккета «Театр: Пьесы» и др.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В современной лингвистике не затихает интерес к анализу способов понимания и интерпретации постмодернистского дискурса. Исследования различных методик понимания литературы постмодерна касались в основном семиотического аспекта, а позже лингвокультурологического, концептуального, структурного и других аспектов постмодернистского текста (Р. Барт, В. П. Руднев, И. П. Ильин, Г. К. Косиков и др.). В предлагаемой статье рассматривается интерактивность как важная составляющая постмодернистского дискурса.

Интерактивность постмодернистского дискурса базируется на концепции диалогизма, т.е. основной формы существования любого дискурса. Диалог – это сложное диалогическое воздействие между текстом и создаваемой в процессе его восприятия интерпретацией [2, с. 285]. В концепции диалогизма М. Бахтина слово – это «место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним и предшествующим культурным контекстом» [10, с. 428]. В рамках нашего исследования мы полагаем, что интертекстуальность продолжает концепцию диалогизма М. Бахтина, но она рассматривает, по мнению Л. Н. Глухенькой, «цитатно-пародийное дву- и многоязычие, как способ порождения одним автором собственного уникального текста, когда выстраиваются отношения с другими авторами» [4, с. 11].

Другими важнейшими показателями интерактивности мы считаем нелинейность нарратива, дискурсивную интерференцию повествовательных инстанций и интерактивность участников постмодернистского дискурса.

Нелинейность нарратива вызывает интерактивность восприятия читателя в процессе прочтения художественного текста. Это процесс создания новых смыслов произведения, и он возможен в условиях нелинейности нарратива.

Писатель-постмодернист М. Павич в предисловии к роману П. Корнеля «Пути к раю» писал: «Ибо что же такое “Пути к раю”, как не одно из тех произведений, которые, избавившись от рабства линейности языка, открывают перед нами, читателями, возможность самим участвовать в создании определенного текста, возможность переместить процесс чтения на новый уровень. На уровень, где ветвятся наши мысли и наши сны, совершенно нелинейные, в отличие от языка, на котором веками писали классики. Мне представляется, что благодаря этому перед Петером Корнелем открыты двери в литературу XXI века» [15, с. 6].

Р. Г. Житко также полагает, что «постмодернизм преодолевает системную логику бинарных оппозиций, децентрирует и хаотизирует ценностную структуру художественного текста» [7, с. 17].

Проблему понимания постмодернистского дискурса невозможно представить без обращения к понятию интерсубъективности. В лингвистике под термином интерсубъективность понимается участие субъекта в ситуации общения, чтения, или

интерпретации, где другой субъект предлагает свой смысл. В концепции нашего исследования используется другой термин, расширяющий понятие интересубъективности – *интерактивность* – принцип готовности читателя к множественным интерпретациям смысла открытого постмодернистского произведения.

Интерпретация напрямую связана с концептуальными смыслами культуры, хранящимся в когнитивной базе участников коммуникации. Когнитивная система автора, как и читателя, сформирована в рамках определенного исторического сознания, или культуры. В связи с этим понимание обусловлено процессами расшифровки кодов, которые созданы культурой и традицией, это реалии, имена, топонимы, артефакты и пр. Очевидно, что в тексте не всегда существуют подсказки, которые предписывали бы варианты прочтения и интерпретации смысла произведения. Этот параметр зависит от личности, создающей текст, и личности, его воспринимающей, обладающей своей индивидуальной когнитивной системой. В ситуации постмодернизма тексты, отдаленные друг от друга во времени и пространстве, обнаруживают диалогические отношения, игру, открытость.

Например, в постмодернистском дискурсе романа Ф. О'Брайена «У Плыли-Две-Птицы» в качестве интертекста, т. е. «текста готовой культуры», автором введен персонаж-злодей Орлик, позаимствованный из романа Ч. Диккенса «Большие надежды»:

«Но душа, эго, *анимус*, продолжил Орлик, совсем не то же, что тело. Замысловаты увечья, какие можно нанести душе. Грамматическое время тела – настоящее изыскательное, тогда как душа наделена памятью, настоящим и будущим. Я замыслил для господина Треллиса мученья чрезвычайно мудреные. Я собираюсь пронзить его плюсквамперфектом» [14, с. 221].

Примечательно, что в этом произведении, отсылающего к средневековой ирландской литературе, персонажи романа, создаваемого студентом, становятся писателями, пишут собственный роман, в котором автор выступает их героем.

Средством выражения интертекстуальности выступают различные аллюзии, в частности, аллюзии на сюжеты (мифологические, литературные, библейские), а также атрибутированные и имплицитные цитаты.

В тексте романа О'Брайена «У Плыли-Две-Птицы» обнаружено большое количество аллюзий на сказания ирландской литературы с указанием персонажей, текстов европейской литературы, среди которых упоминаются и обыгрываются английские поэмы XVIII в. и пр.

Приведем пример использования имени ирландского героя легенд Финна Мак Кула, а также известной ирландской и британской культурной реалии Ламмас:

«Вскоре из тени своей выступил *Финн Мак Кул*, герой старой Ирландии, Финн с его обширными окороками, с томными очами его, Финн, способный провести утро *Ламмаса* с препоясанными прелестницами за отнюдь-не-простодушной игрой в шахматы» [14, с. 19]. (Прим.: Ламмас – первый день сбора урожая, древний праздник 1 августа, отмечаемый в Великобритании и Ирландии.)

Приведем примеры ссылок на известных поэтов – Г. Гейне, Э. Элиот, Д. Девлин, С. Дэй-Льюис, У. Вордсворт и др.:

«Die Harzreise», авторства Гейне, ответил я» [14, с. 44]. (Прим.: «Путешествие по Гарцу» – отчет Генриха Гейне о его путешествии в горах Гарца в 1824 г.). Или:

«Поэзия – предмет моего большого обожания, сказал голос Доброго Духа. Я всегда стараюсь следить за работой господина *Элиота*, господина *Льюиса* и господина *Девлина*.

Добрая поэма – настоящий тоник. Ваша поэма не цветам ли была посвящена, господин Кейси? *Уордсуорт* в том, что касалось цветов, великий был человек» [14, с. 157].

В качестве интертекстов выступают цитаты античности: «*mens sana in corpore sano*» (букв. «в здоровом теле здоровый дух»), «*ab ovo et initio*» (букв. «с яйца и зачатия») и мн. др.

В романе отмечены аллюзии на произведения Гомера «Одиссея», римской литературы, в частности, отсылка к поэзии Гая Катулла Веронского:

«Сколько на небе звезд в молчании ночи видит тайны любви, блаженство смертных! Поцелуев твоих, чтоб было вдосталь для безумца *Катулла*, нужно столько, чтобы их сосчитать не мог завистник, нечестивый язык не мог бы сглазить» [14, с. 52].

В текст произведения включены переосмысленные схоластические рассуждения из средневековой литературы:

«Однако, извлеки из-под книги, лежавшей у моей постели, аккуратно отпечатанную рукопись, я объяснил ему мои писательские намерения в немалых подробностях, то зачитывая, то рассуждая попутно, *oratio recta u oratio obliqua*» [14, с. 35]. (Прим.: лат. – речью прямой, речью косвенной).

В следующем примере автор упоминает народное название брошюры с катехизисом, стоимостью в один пенс (англ. – penny catechism), посвященном популярному вероучению в Великобритании а начале XX века:

«Что верно, то верно, ныне почтения в Ирландии к *однопенсовому катехизису* никакого, мне ль не знать» [14, с. 123].

В следующем отрывке автор приводит аллюзию на несколько исторических фактов и реалий:

«Вы ли написали следующее: Сэра Фрэнсиса Дрейка по прозвищу «Большой Палец», запятая, а также трех пытливых мичманов и юнгу, запятая, отправил он на морщинистом «Майском цветке» по морям Брайлева лица своего» [14, с. 57].

Персонаж романа ошибочно смешивает два разных события: а) прибытие отцов-основателей на судне «Майский цветок» (Mayflower) в Северную Америку, и б) кругосветное путешествие английского капитана Ф. Дрейка спустя сто лет.

Заслуживает особого внимания прием переосмысления текстов культуры, а также переработки с целью пародирования цитаты.

Сказание из фенийского цикла «Пир в доме Конана» XIV–XV вв. подвержено в тексте романа ироническому переосмыслению:

«*Выдержка из машинописной рукописи, наглядно являющая Финна Мак Кула и его народ, – юмористическая вылазка в древнюю мифологию: Из музыки, что перепала тебе, спросил Конан, какую ты счел сладчайшей? Поведаю, молвил Финн*» [14, с. 19].

Интересен прием авторской компиляции строк из разных глав Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова из Ветхого завета, где русский текст цитируется по синодальному переводу:

«*Происхождение примечательного определения, из мудрых речений сына Сирахова. Начало премудрости – бояться Бога, венец премудрости – страх Господень. Если желаешь премудрости, соблюдай заповеди, и Господь подаст ее тебе. Страх Господень усладит сердце и даст веселие, и радость, и долгоденствие. Боящемуся Господа благо будет напоследок, и в день смерти своей он получит благословение*» [14, с. 126].

Таким образом, постмодернистский роман Ф. О’Брайена представляет оммаж-пародию, в которой угадывается сатира на массовую культуру.

Постмодернистский текст тем и отличается от обычного художественного текста, что происходит переосмыслением текстов культуры. В этот диалог вступают не только известные участники дискурса: автор – текст – читатель, но также и персонажи, и другие повествовательные инстанции. В этом сложном многомерном пространстве постмодернистского дискурса происходит дискурсивная интерференция, например:

«Как ликованье притихло, сказал Ламонт, приятель-то наш Багнал отходит в сторонку, спиной к сержанту повертывается да просит сигаретку, и давай языком чесать с дружками своими. И что же сержант мой, как думаете, господин Шанахан?

Помолчу-ка я, сказал проницательный Шанахан.

Ей-богу, мудрый вы человек. Сержант Краддок рот держит на замке, коротенечко разбегається и прыгает двадцать четыре фута и шесть дюймов.

Да что вы говорите! Воскликнул Фёрриски.

Двадцать четыре фута и шесть дюймов.

Не удивлен, сказал потрясенный Шанахан. Не удивлен я. Отправляйтесь на все четыре стороны по белу свету – и всюду увидите, что в прыжках равняются все на ирландца.

Так и есть, сказал Фёрриски, имя Ирландии чтят за это.

Езжайте в Россию, сказал Шанахан, езжайте в Китай, езжайте во Францию. Везде и всегда шляпы долой и *гра-магры* Прыгучему Ирландцу. Спросите кого хотите, и вам подтвердят. Прыгучий Ирландец.

Вот чего у нас не отнять, ни прибавить, сказал Ламонт, есть у ирландца сильные стороны» [14, с. 115].

Анализ текстов постмодернизма показал использование различных приемов, используемых для усложнения соотношения между различными повествовательными инстанциями, в частности, между входящими в структуру произведения интертекстами. Основным таким приемом мы считаем прием дискурсивной интерференции, в процессе которой и происходит смешение, или пересечение дискурсов разных повествовательных инстанций – дискурс автора + дискурс персонажа + дискурс читателя.

Анализ текстов С. Беккета, М. Павича, Ф. О'Брайена и других писателей-постмодернистов подтвердил, что дискурсивная интерференция реализуется посредством контаминирования форм чужой речи или речи имплицитного автора, репрезентации потока сознания, использования вставных конструкций.

В радиопьесе «Зола» С. Беккета представлена монологическая речь персонажа Генри, в которой пересекаются дискурсы различных повествовательных инстанций:

«...Ты Аду никогда ведь не видел или видел, не помню, не важно, ее теперь никто бы не узнал. (Пауза.) ... Господи, лучше бы ее у нас не было, я с ней гулял по полям, и какой это ужас был, Господи Иисусе, вцепится в мою руку, а я не могу говорить и с ума схожу: «А теперь побегай, Адочка, погляди на овечек». (Изображая голос Адочки.) «Нет, папа». «Иди, иди побегай». (Слезливо.) «Нет, пап». (В бешенстве.) «Кому сказано – иди погляди на овечек!2 (Громкий рев Адочки. Пауза.) [3, с. 254].

В вышеприведенном отрывке происходит слияние субъектных сфер, которые выражаются в виде дискурсов двух коммуникантов-персонажей. В тексте они реализуются в виде прямой речи, оформленной на письме в кавычках. Фразы диалога даны имплицитно – в речи Генри, что сопровождается намеренным нарушением орфографии и пунктуации (нет привычного оформления прямой речи и слов автора высказывания). В англоязычной прозе частым приемом является контаминирование форм чужой речи в потоке сознания.

В постмодернистском тексте отмечается одновременное слияние нескольких субъектных сфер, которые эксплицируются в виде дискурсивной интерференции: дискурс чужой речи + дискурса имплицитного автора. В дискурсе три участника, в воспоминаниях которых мелькают диалоги знакомых. При этом нигде в тексте не соблюдаются правила оформления прямой речи (не использованы кавычки, не выделены при помощи тире слова автора и пр.).

Интересный пример представляют случаи, когда текст представляет собой диалог, в котором автор вообще не эксплицируется, а диалог представляет дискурсивную интерференцию, состоящую из дискурсов многочисленных коммуникантов. Часто возникают ситуации пересечения и взаимозамены ролей повествовательных инстанций: автор становится читателем и наоборот.

Частым маркером дискурсивной интерференции становятся вставные конструкции, например:

«Одолели мы путь, но как бог свят, тревога оказалась ложная. (Ложная тревога! Господи помилуй! С чего вдруг?) Погодите, сейчас все узнаете.» [13, с. 72].

Функция вставных конструкций заключается в воспроизведении внутренней речи, мысленных рассуждений персонажа произведения.

«Бог мой, ну и разошелся я тогда, ей-ей! (*И были у вас на то причины. Окажись я там, сам не знаю, что творил бы*). Ну, все кончилось тем, что дал он нам три минуты убраться восвояси, и восвояси отправились мы, как пацанята, потому как, глазом не моргнув, Кирса б вышиб из нас дух, и это как бог свят (*Вы имели полное право обратиться в полицию.*)» [14, с. 76].

Вставные конструкции, заключенные в скобки и выполняющие функцию пояснений, а также обращений во внутренней монологической речи, – пример интерференции в произведениях сербского писателя-постмодерниста М. Павича. Обращение реального автора посредством имплицитного автора к имплицитному, а через него и к реальному читателю и составляет суть дискурсивной интерференции в постмодернистском дискурсе [15]. Реальный автор общается с реальным читателем через само произведение при помощи повествовательных инстанций.

Концепция «открытого произведения» была предложена У. Эко для осмысления опыта новой постмодернистской литературы и всего искусства в целом. Она предполагает процесс неограниченного семиозиса (создания новых означаемых) в процессе восприятия текста, где именно читатель придает книге смысл, недостающий ему в жизни. Интертекстуальность и интерактивность как способы взаимодействия участников дискурса представляют возможность реинтерпретации художественных смыслов, заложенных в постмодернистском тексте. Исследователи предполагают, что сегодня автор снял с себя всякую ответственность за конечный результат восприятия текста, предоставив читателю выбрать собственную стратегию для понимания произведения.

ВЫВОДЫ

Анализ текстов постмодернистского дискурса позволяет прийти к выводу о том, что главным принципом его формирования является интерактивность, реализующаяся при помощи диалогизации, нелинейности нарратива и интерференции повествовательных инстанций. Постмодернистский текст насыщен различными аллюзиями на культурные реалии. Интерактивность автора в постмодернистских текстах проявляется по-разному: в текст произведения вносятся вставные конструкции, в которых предложен на выбор вариант слова или выражения, а также показана внутренняя речь с размышлениями автора

или персонажа. Интерактивность читателя обуславливает возможность выбрать собственную стратегию интерпретации текста.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложена методика интерпретации текстов постмодернизма посредством анализа способов и приемов интерактивности. В статье описаны различные типы дискурсивной интерференции, приемы и способы ее реализации в тексте: контаминирование форм чужой речи или речи имплицитного автора как имплицирование разных субъектных сфер, поток сознания, использование вставных конструкций. При этом подчеркивается, что интерактивность предполагает взаимодействие всех участников дискурса.

Перспектива исследования состоит в дальнейшем изучении и описании способов интерпретации художественного текста в постмодернистском дискурсе.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Изд-во Ё Медиа. 2026. – 424 с.
3. Беккет С. Театр: Пьесы. – СПб.: Азбука, Амфора, 1999. – 347 с.
4. Глухенькая Л. Н. Постмодернизм поэзии Кэрол Энн Даффи. Автореф. дисс...канд. филол. н., г. Симферополь, 2022. – 24 с.
5. Гримова О. А. Диалог дискурсов: fiction и non-fiction в романе М. Шишкина «Всех ожидает одна ночь» // Литература в диалоге культур-8: материалы Междунар. научн. конф. – Ростов н/Д: Логос, 2010. – С. 46–48.
6. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: монография / под ред. Г. Я. Солганика [и др.]. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2020. – 268 с.
7. Житко Р. Г. Категория «НИЧТО» в творческой рефлексии модернизма и постмодернизма. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Гродно, 2025. – 25 с.
8. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 250 с.
9. Косиков Г. К. «Структура» и / или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 3–48.
10. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427–457.
11. Лучинский Ю. В., Лучинская Е. Н., Бешикова Ф. Б. Коммуникативные практики постмодернистских текстов: литературно-медийный дискурс. – Краснодар, 2021. – 256 с.
12. Лучинская Е. Н. Авторефлексия как ключ к интерпретации «скрытых смыслов» художественного текста // Текст и дискурс как парадигмы интерпретации смысла. – Краснодар, 2025. – С. 105–116.
13. Лучинская Е. Н. Метатекстуальность комментария в художественном тексте В. Набокова // Казанская наука. – 2025. – № 12 – С. 452–454.
14. О'Брайен Ф. У Плыли-Две-Птицы. – СПб: Подписные издания, 2022. – 320 с.
15. Павич М. Корнель и нелинейное письмо // П. Корнель. Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи. – СПб., 1999. – С. 5–6.

References

1. Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p.
2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, YO Media Publ. 2026. 424 p.
3. Bekket S. *Teatr: P'yesy* [Theatre: Plays]. Saint-Petersburgh, Azbuka, Amfora Publ., 1999. 347 p.
4. Glukhen'kaya L. N. *Postmodernizm poezii Kerol Enn Daff: Avtoref. diss...kand. filol. n.*, [Postmodernism if the poetry of Carol Ann Daffy. Abstract of Thesis]. Simferopol, 2022. 24 p.

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ДИСКУРСА

5. Grimova O. A. *Dialog diskursov: fiction i non-fiction v romane M. Shishkina «Vsekh ozhidayet odna noch»* [Dialogue of discourses: fiction and non-fiction in the novel by M. Shishkin «One night awaits everyone»]. *Literatura v dialoge kul'tur-8: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Rostov-on-Don, Logos Publ., 2010, pp. 46–48.
6. *Diskurs i stil': teoreticheskiye i prikladnyye aspekty* [Discourse and Style: theoretical and applied aspects]. Ed. G. Ya. Solganik. 4th ed., stereot. Moscow, FLINTA Publ., 2020. 268 p.
7. Zhitko R. G. *Kategoriya «NICHTO» v tvorcheskoy refleksii modernizma i postmodernizma: Autoref... diss. kand. filol. nauk* [The category of NOTHING in creative reflection of modernism and postmodernism. Abstract of Thesis]. Grodno, 2025. 25 p.
8. Ilyin I. P. *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa* [Postmodernism from its origins to the end of the century: the evolution of a scientific myth]. Moscow, Intrada Publ., 1998. 250 p.
9. Kosikov G. K. «Struktura» i / ili «tekst» (strategii sovremennoy semiotiki) [“Structure” and/or “text” (strategies of modern semiotics)]. *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. Moscow, Progress Publ., 2000, pp. 3–48.
10. Kristeva Yu. *Bakhtin, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, the word, the dialogue and the novel]. *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. Moscow, Progress Publ., 2000, pp. 427–457.
11. Luchinskiy Yu. V., Luchinskaya Ye. N., Beshukova F. B. *Kommunikativnyye praktiki postmodernistskikh tekstov: literaturno-mediynnyy diskurs* [Communicative practices of postmodernist texts: literary and media discourse]. Krasnodar, 2021. 256 p.
12. Luchinskaya E. N. *Avtorefleksiya kak klyuch k interpretatsii «skrytykh smyslov» khudozhestvennogo teksta* [Self-reflection as a key to interpreting the “hidden meanings” of a literary text]. *Tekst i diskurs kak paradigmy interpretatsii smysla*. Krasnodar, 2025, pp. 105–116.
13. Luchinskaya E. N. *Metatekstual'nost' kommentariya v khudozhestvennom tekste V. Nabokova* [Metatextuality of commentary in V. Nabokov's fiction]. *Kazanskaya nauka*, 2025, no. 12, pp. 452–454.
14. O'Brayen F. *U Plyli-Dve-Ptitsy* [At Swim-Two-Birds]. Saint-Petersburgh, Podpisnyye izdaniya Publ., 2022. 320 p.
15. Pavich M. *Kornel' i nelineynoye pis'mo* [Cornell and non-linear writing]. *P. Kornel. Puti k rayu. Kommentarii k poteryannoy rukopisi*. Saint-Petersburgh, Azbuka Publ., 1999, pp. 5–6.

INTERACTIVITY IN POST-MODERN DISCOURSE

Luchinskaya E. N.

This article focuses on the description of interactivity as an important characteristic of postmodern discourse. The article shows that interactivity is based on the following techniques of postmodern text formation: dialogization, narrative non-linearity, and narrative interference. Knowledge about interactivity contributes to the successful interpretation of complex, multi-layered postmodern texts, in which the reader can apply various strategies for understanding non-linear texts. In this study, interactivity is understood as the principle of a reader's readiness to possess a cognitive base containing cultural codes and to engage in multiple interpretations of the meaning of an open postmodern work. The author's interactivity in postmodern texts manifests itself in various ways: in the text of the work, the author uses inserted constructions that reproduce internal speech and include the character's mental reflections. The reader's interactivity implies the ability to choose their own strategy for interpreting the text, thus engaging in an intertextual dialogue with texts, characters, and the author. Intertextuality is seen as an opportunity for reinterpreting the artistic meanings of a postmodern text. The study reveals the hermeneutical aspect of the problem of interpreting postmodern discourse, which aims to understand interactivity as an important feature that must be taken into account when analyzing complex contemporary texts.

Keywords: postmodern discourse, interpretation, hermeneutical approach, interactivity, interference, and dialogization.